

Последнее обращение все к тому же тексту, единственной и окончательной реальности средневековой культуры, понятой как культура текста, как комментаторская культура, в которой слово — ее начало и ее конец — все ее содержание. Выход за пределы текста в границах этой культуры оказывается невозможным, ибо любая попытка выйти за пределы текста оканчивается возвращением к тексту. Но именно такие вот возвращения вынуждают разрушить незыблемость текста. Отстаивание раз и навсегда установленной истины оборачивается сомнением в этой истине, требующим инокультурных установок. Именно о твердокаменности текста, подкрепленного, но и разрушенного бесконечным комментированием, споткнулось средневековье, ставшим; текст стал проблемной статьей, а Слово — Делом. Самосчерпаемость культуры текста

Текст алхимика *Рупли* от семикратного расшатывающего комментирования кажется не таким уже окончательным. Он тронется, расслаивается на временные пласты прошлого, настоящего и будущего. И лишь непреложный статус алхимии, проникающий и этот текст, поддерживает его единственность, целостность, подробность. И все-таки три времени ощущаются в этом тексте¹. Правда, их еще нужно выволнить из алхимической вечности и развернуть в историю межкультурных взаимодействий. А для этого нужно выйти из замкнутого мира средневековой культуры, отираясь, однако, от алхимии как от исторического перекрестия инокультурных преданий, вошедших в предание христианское.

Киммерийские потемки, гностический змей, протуберанцы древнеегипетского *Ра* — свидетельство хтонического прошлого Александрийской алхимии. Рациональная технокимическая процедура, стоящая за символическим фасадом, — это настоящее христианских адептов алхимии. И, наконец, сам этот символический фасад с киммерийскими львами и бутфорским драконом — близкое ренессансное будущее алхимии. Три времени, но спрессованные в одной-единственной алхимической вечности, выславшей своего тоже единственного полномочного представителя — цельный, живой текст-рецепт алхимика *Рупли*. *Scientia immutabilis: наука непреложная, недвижимая, неразвивающаяся*. И все-таки развитнее: от возникновения *ex nihilo* до погружения туда же.

Крайности обозначены, конфликт вызревает.

Можно было бы, однако, не начинать тему, но просто отослать Вас к предшествующим главам, из коих можно, верно, понять, чем были и чем стали оппозиции средневекового мышления, выродившиеся в жесткие конструкции алхимического символизма, и что стало в конце концов с этими символами; чем был и чем стал алхимический рецепт, уничтоживший самого себя; как преобразовал себя алхимический миф и как

¹ «Прошедшее ужасно, а настоящее могущественно, ибо оно бросается в глаза. Но самое великое и священное — это, несомненно, будущее, и оно утешает удрученную душу того, кому оно суждено» (Манн, 1968, I, с. 248).